

Гусейнли Ш.А.,

аспирант Института литературы
имени Низами Национальной Академии наук Азербайджана,
г. Баку, Азербайджан, e-mail: afaqramazanova@mail.ru

ЭПИЧЕСКИЕ ФОРМУЛЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСАХ

В статье на материале известных фольклорных памятников – эпосов «Книга моего деда Коркута» и «Короглы» исследуются особенности формульного творчества в Азербайджанских историко-героических эпосах. В первую очередь, рассматриваются отличительные особенности, вытекающие от сопоставления общего дастанного творчества и конкретно рассматриваемого дастанного типа. Раскрываются своеобразные особенности начальных, медиальных и финальных формул в эпосах «Книга моего деда Коркута» и «Короглы» в сравнении с традиционными формулами сказок. Автор приходит к выводу, что формулы в историко-героических эпосах, являются ценными, в первую очередь, из-за отражения самой характерного историческо-поэтического пласта текста.

Ключевые слова: дастан, сказка, начальная формула, медиальная формула, финальная формула, текст, жанр, поэтика, особенность.

Huseynli Sh.A.

Epic formulas in Azerbaijan historical-heroic eposes

In the article the characteristic features of the formula activity in the Azerbaijan historical-heroic eposes in the example of the famous folklore monuments such as «The Book of Dede Gorgud» and «Koroglu» are explained. First of all, the different peculiarities coming from the same activity of the common epos poetics and the concrete epos kind looking through are paid attention. The identities of the beginning, medial and final formulas used in the eposes «The Book of Dede Gorgud» and «Koroglu» are discovered in comparison with the traditional and real tale formulas. From the analysis it is come to the conclusion that the formulas in the historical-heroic eposes attain the special value with the absorption of the most characteristic historical-poetical layer of the text.

Key words: epos, tale, beginning formula, medial formula, final formula, text, genre, poetics, peculiarity.

Гусейнли Ш.А.

Азербайжан тарихи-батырлық жырларындағы эпикалық формулалар

Атақты фольклорлық ескерткіштер туралы мақалада – «Қорқыт ата кітабы», «Көроғлы» эпостары Әзірбайжанның тарихи-батырлық эпосының формулдық шығармашылығы ретінде қарастырылады. Біріншіден, даралаушы ерекшеліктері қарастырылады, жалпы дастандық шығармашылық пен белгілі бір дастан негізінде шығармаларды қарама-қарсы қойып зерттейді. «Қорқыт ата кітабы», «Көроғлы» эпостарын дәстүрлі ертегілер құрылысымен салыстырғанда бастапқы, орталық және қорытынды бөліктерінің өзіндік ерекшеліктері бар. Автор төмендегідей қорытынды жасайды: тарихи-батырлық эпостардың құрылысы өте бағалы, себебі, ол тарихи-батырлық мәтіннің қабатын көрсете алады.

Түйін сөздер: дастан, ертегі, бастапқы формула, орталық формула, қорытынды формула, мәтін, жанр, поэтика, ерекшеліктер.

Известность и распространенность дастанного жанра, выполнение им в ряде случаев эпической функции оказало свое сильное влияние на текстуальную структуру и разнообразие формул. Благодаря этому, одну из важнейших семантико-функциональных уровней текстов дастанов составляют эпические формулы. Однако, говоря об особенностях формирования формул, необходимо обязательно принимать во внимание тип эпического текста. В азербайджанской фольклористике существует преимущественно два вида классификаций эпосов. Выдающийся ученый М.Г. Тахмасиб классифицировал азербайджанские эпосы на три группы – героические эпосы, любовные эпосы и эпосы семейно-бытовой тематики [1, 112]. Профессор Ф. Баят, подойдя к вопросу в общетюркском контексте, сконцентрировал тюркские эпосы в две группы – архаические и классические эпосы. Он показывает, что при этом архаичность не должна пониматься в значении недостатка, поскольку, если древность историко-хронологическое понятие, то архаичность – понятие структурно-типологическое [2, 17]. Эпические формулы сформировались сообразно каждому признаку в этой классификации. Это происходит по той причине, что эпические формулы в историко-героических и, скажем, любовных эпосах, отличаются и характером, и разнообразием.

Важнейшим фактором, определяющим свойства построения формул эпосов, является эпохальное качество эпического текста. Наши эпосы прошли насыщенные этапы исторического развития. Исторический путь развития, ясное дело, оказал свое воздействие на формирование эпического текста. В этом контексте, характер эпических формул проявляется, органично обуславливаясь двумя признаками: во-первых, древностью и самобытностью традиции эпосоведения; во-вторых, историческими особенностями эпического языка. Так, может становиться одним из основных источников пути пройденного традицией эпосоведения в самобытности формул в историческом эпическом тексте.

В целом, формула устной литературы представляет собой художественное изображение и выражение, обусловленное фольклорным мышлением и спецификой. Но истиной является и то, что формула чаще всего проявляется всем богатством и самобытностью в сказочном повествовании. И поэтому приходится оценивать и объяснять стандартные выражения в других эпических формах устной литературы, как правило, в сравнении с традиционными клише в

сказках. Вероятно, это явление характерно для всего фольклора.

Мы видим, что с точки зрения творчества истинной формулы даже величественный эпос проигрывает сказке. Устоявшиеся сказочные выражения и у нас выделяются поэтичностью, ритмичным ладом. Подобную формализацию выражений в эпосах же мы наблюдаем в очень редких случаях. Формула общего начала «жили-были» сказок в наших эпосах не встречается. С другой стороны, в отличие от сказок, в эпосах начальные формулы не подвластны абстрактному времени, и поэтому не могут, отдалившись от конкретного текста, полностью обобщившись, сформироваться. По этой причине, в сказках нет содержательного разнообразия начальных формул. В эпосах же начальная формула изменчива именно в силу содержания.

Мы можем долго продолжать это сравнение, каждый раз удостоверяясь в том, что эпический текст не может полностью формировать или сохранить начальную формулу подобно сказке. Однако несложно заметить и то, что с самого начала формирования этот самый распространенный эпический жанр народного творчества глубоко впитал в себя тенденции формулизации, начиная с повествования и до структуры. В этом можно убедиться даже благодаря очень рано записанному (предположительно, в XI веке) и потому прожившему живую неполную фольклорную жизнь нашему самому величественному историко-героическому памятнику, эпосу «Книга деда моего Коркута». Колорит формул впитался во весь текст и дух произведения. Говоря о формулах, особенно о начальных формулах, не можем не принимать во внимание структуру произведения, его дохождение до нас в виде двенадцати сказаний. Все еще много моментов по прояснению того, был ли «Отец Коркут» некогда единым эпосом или сборником эпосов. Несомненно то, что наряду с отличающейся с меньшей или большей эволюцией отдельных сказаний, неоспорима семантическая и структурная взаимосвязь между ними. У каждого сказания есть свое начало, продолжение и окончание. Содержательно-повествовательная общность, обуславливающая их внутреннюю взаимосвязь, была спроецирована и на их начальную, внутритекстовую и финальную части, и обеспечила повторяемость мотива, необходимого для формирования соответствующих формул по ходу всего текста. Достаточно вспомнить, что половина сказаний в произведении описывает пробуждение от сна Баяндыр-хана и Газан-хана

(I, II, III, IV, VII и IX сказания). «Однажды сын Кам-хана Баяндур-хан встал со своего места, велел поставить свой сирийский зонтик, велел поднять до небес пеструю палатку, велел разложить в тысяче мест шелковые ковры...» [3, 132]. Или: «Однажды сын Улаша, детеныш птицы Тулу, надежда для нас бедных, лев племени и рода, тигр черной толпы, хозяин каурого коня, отец хана Уруза, зять Баюндур-хана, счастье остальных огузов, опора остальных джигитов, Салор-Казан встал со своего места, велел поставить на черную землю свои девяносто златоверхих шатров, велел разложить в девяносто мест пестрые шелковые ковры. В восьмидесяти местах были приготовлены кувшины, были поставлены золотые чаши и бутылки; девять чернооких прекрасных красавиц, дочерей гуяров, с волосами, ниспадавшими на спину, с красными пуговицами на груди, с руками окрашенными хной от самой кисти, с разукрашенными пальцами, подавали кубки бекам остальных огузов» [3, 140]. Явно заметно сходство между начальными формулами об обоих героях. И этому есть основание, идущее и из эпического воображения, и из жизни. Самая маленькая деталь о государственных руководителях, в том числе их подъем с постели и приступание к деятельности, видимо, носит, в некотором роде, ритуальный характер, выражающие их формулы также формируются на базе этих предположений. При этом выразительное и детальное представление Газан-хана является не просто продуктом художественного воображения, не вытекает из влечения героя к торжественности. Перечисляющая его высокие титулы формула в большей степени отражает его реальное содержание, то есть преимущественное положение, которое занимали на властной ступени настоящие Газан-ханы, еще большее прославление в народе. А это соответствует и выражает действительной исторической сущности существовавшей в Огузе в период создания эпоса двоевластия. Так, можно сказать, формулы в историко-героических эпосах, в действительности, формируются на основе единства двух важных основ (значимые детали, корнями опирающиеся на действительность, и эпико-художественное изображение). Хотя формулы здесь и не формируются столь же полно, как в сказках, выделяются теми же ценными качествами.

Если в сказках используются стороны начальных формул, состоящие из однородных членов, в эпосе это не проглядывается. Поэтому начальные формулы в эпосах производят впе-

чатление незавершенных. Например, начальную формулу в эпосе «Книга отца Коркута» «Во времена огузов был мудрец по имени Ганлы Годжа» [3, 183] можно назвать неполной начальной формулой. Поскольку здесь нет, как в сказке, выраженных неоднородными членами предложений, порой не имеющих никакого значения поэтических частей, не ощущается понятия пространства, известно лишь понятие времени. Вообще, во всех сказаниях «Книги моего деда Коркута» встречаются подобные незавершенные начальные формулы. Например, «Как говорят, ханум, среди огузов жил некий храбрец, называемый буйный Домрул сын Духа коджа» [3, 177]; «Во времена огузов жил некий муж по имени Узункоджа» [3, 208]; «Ханум, однажды, когда огузы не ведали, в их края пришел враг» [3, 196] и др. Как можно видеть, в подобных формулах формула «Во времена огузов» показывает временное условие выражения формулы, а «в Огузе» – пространственное условие формулы. А часть «Называемый Канлы Коджа во времена Огуза», «называемый Дели Домрул» представляет собой готовую устоявшуюся форму формулы, слово «называемый» обращает на себя внимания в качестве эквивалента слова «повествуют», и активно участвует в образовании формулы.

В начале эпоса «Книга моего деда Коркута» встречается значительное количество пословиц, мудрых изречений. Если предположим их формирование на базе существовавших некогда текстов-сказаний, тогда можно сказать и об определении в них временного понятия лишь по месту. Например, такие приведенные из вступительной части эпоса примеры, как «Если всемогущий Бог не даст, мужик не разбогатеет», «Если не предназначено будет, с рабом не случится ничего», «Пока не наступит смерти час, не умрет никто», «Умерший не воскреснет, ушедшая жизнь обратно не вернется», «Если у храбреца будет богатства величиной с Черную гору, соберет-накопит, больше удела своего съесть не сможет», «Злойший враг другом не станет» [3, 129] являются предложениями. Эти предложения, вполне вероятно, в качестве логического завершения каких-либо текста (текстов) заменяют в эпосе начальные формулы.

«Короглы» представляет собой второй величественный тюрко-азербайджанский историко-героический эпос после «Книги моего деда Коркута». И это произведение было создано частями, сказание за сказанием. «Являющийся культурным достоянием азербайджанского народа эпос «Короглы» состоит из эпосов-ска-

заний, созданных в жанре дастанов ашугским творчеством. Эти части, созданные в различные периоды, образуют единое произведение, объединенные не определенными рамками, а временной последовательностью участвующих образов, места, событий и другими средствами» [4, 79]. Действительно, внутренняя связь этого произведения более велика, чем «Книги моего деда Коркута». Но, во всяком случае, разделение сюжета на множество ветвей, не обошлось и здесь без влияния, в частности, на самобытность формирования начальных формул. Именно поэтому и в эпосе «Короглы» начальные формулы не такие, как в сказках. И одной из причин этого является основывание сказок в большей степени на архаическое повествование. А в эпосе «Короглы», воплощающем в эпической манере исторические события XVI века, условность времени соответствует времени повествования. То есть во вступлении эпоса, вступлении сказаний процесс соответствующей формулизации еще не начался. В этих сказаниях понятие времени находится в условном содержании. В отличие от эпоса «Книга моего деда Коркута» эпос «Короглы» не замкнут, постоянно наблюдается появление новых сказаний. Именно поэтому, если возьмем какой-либо вариант эпоса «Короглы», то предложения, отмеченные в нем нами ниже в качестве начальной формулы, в действительности, носят функции переходных формул, и служат образованию связи между одним сказанием и последующим сказанием. Рассмотрим примеры: «Теперь послушай, о ком тебе я расскажу, о Гасане-паше в Тогате» [5, 230]. Это предложение начальной формулой назвать можно условно, в силу использования в начале сказания. Подобные начальные формулы в действительности выступают в роли формул-средств, образующих связь между частями. Формулы типа «Да, караван снова вышел в путь. Пусть караван идет, посмотрим, что сделал Короглы?» [5, 242]; «О ком теперь тебе сказать, о чем рассказать, скажу-ка о молодых годах Короглы» [5, 341] также характеризуются указанной нами двойственной функцией. А также начинающееся с часто встречающегося в тексте эпоса выражения «говорят, что» начальные формулы выполняют одинаковые функции.

В отличие от них, в эпосе «Короглы» есть и начальные формулы, выполняющие свидетельские функции и начинающиеся выражением «Так повествуют что...», «Говорят что...». В подобных начальных формулах уже не ощущается содержание переходной формулы, начальная

формула, образованная выражениями подобного типа, обладает способностью носить в себе самобытные особенности сказания.

В азербайджанских историко-героических эпосах внутритекстовые формулы более богаты и разнообразны. Они бывают связаны с внутренними элементами конкретного текста. Хотя и формируются обычно на основе повторяющихся мотивов, медиальные формы из-за обширной связи с текстом выражают отличительные особенности, что позволяет вести их более широкую классификацию. Во внутритекстовых формулах, начиная от понятий этноса о красоте, героизме до понятий добра и зла, могут воплощаться значимые мотивы. Используемые в эпосе «Книга моего деда Коркута» внутритекстовые формулы можно сгруппировать по повторяющимся мотивам:

I. Ритуальные формулы (свадьба – официальное собрание огузских беков, свадьба – радостный обряд, поминки, дарение, охота и пр.);

II. Формулы сражения, войны (одежда и оружие для сражения, отправка на сражение, битва, победа и др.);

III. Формулы массовых сцен;

IV. Формулы, выражающие чувства, отношения (благословение, проклятье);

V. Бытовые формулы;

VI. Формулы отношения к природе (животным и растениям);

VII. Путевые формулы;

VIII. Формулы именованья;

IX. Мудрые изречения (сентенции).

По каждой из этих групп, приведя большое число примеров из эпоса, можно прокомментировать различные семантические значения формул. Правда, эти формулы в сказках порой не могут продемонстрировать чистую сущность формулы на уровне традиционных медиальных выражений, наблюдаемых в сказках. В них во многих случаях можно наблюдать и свойственную традиционным формулам завершённую выразительную устойчивость. Разумеется, это произошло еще и потому, что историко-героические эпосы (и более всего «Книга моего деда Коркута») по сравнению со сказкой представляет собой совершенно другой структурно-повествовательный тип, более эпично и исторически распространенный, более многосюжетный, многоаспектный. И поэтому в структуре текста процессы повторяемости, обобщения повествования, формализации не шли и не могли пойти столь сильно, как в сказках. Так как не было необходимости в этом. В частности, у «Книги мо-

его деда Коркута», как выше отмечалось, есть явный историко-жизненный пласт, и он нашел свое воплощение в формулах именно в качестве самого характерного компонента фольклорного сознания. Если бы в эпосе формулы, отделившись от текста, обобщались бы, как в сказке, этот реальный пласт мог бы ослабеть и растерять непосредственную связь с этносом. При этом историко-героический эпос мог бы растерять свою жанровую определенность и возможно просто превратился бы в крупнообъемную сказку. Отметим к слову, что подобное положение дел частично можно увидеть в любовных эпосах, составляющих одну из основных ветвей азербайджанских эпосов. Высказывая данную мысль, мы имеем в виду не только созданные на основе сказок и естественно являющиеся жанровыми аналогами любовные эпосы. Близость повествования к народной разговорной речи и в созданных на основании легендарных сюжетов, и сочиненных о знаменитых ашугах любовных эпосах сделала возможным и пользование сказочными формулами, породила естественную необходимость в этом. И это привило определенный колорит эпическому языку. Формула представляет собой органичный компонент, могущий воздействовать на текст в такой степени, или говоря иными словами, связанный с поэтикой жанра, которому он принадлежит. Основное заключается в том, что несмотря на всю самобытность, формульное значение стереотипных выражений в историко-героических эпосах, семантико-функциональная характеристика этого значения не вызывает сомнений. Текст эпоса, о котором мы говорим, показывает не чуждость своим формированием процессу формулизации в целом, на создание при этом распространившейся фольклорной сущностью первичных благотворных условий для данного процесса. В произведении есть достаточно повторяющихся эпизодов, мотивов, и в манере их выражения немало схожих черт, даже повторяющихся один в один или вариативно фрагментов.

Не случайно, что и в мировом коркутоведении растет интерес к реальному жизненному содержанию формул в эпосе. В этом компоненте особое значение приобретает статья переводчика «Книги моего деда Коркута» на английский язык Поля Миробила «Стилистическое сравнение: европейско-тюркские мотивы и формулы». Автор верно выступает с позиции взаимосвязи мотива с формулой. Опираясь на воплощение используемых (повторяемых по ходу всего эпоса) в произведении «Книга моего деда Коркута»

мотивов, упорядочивает следующую последовательность: привязанность к мечу, выражение чувств от побед и радостей или утраты и печали, принесенных непрерывными сражениями, символы цветов, мотивы сна, пира и ангела. Исследователь, указывающий на составление скелета эпоса подобного типа деталями, подчеркивая их порождение не просто воображением, а образом жизни и мышления изображенных людей, пишет: «... они имеют историческое значение и показывают зрителям, что озаны (барды) не «сочиняют» свои сказки. Они, передаваясь из поколения в поколение, являются ядром отображенных в памяти реальных сражений, войн и сражений за спасение. Факты отделяют сказки озана от легендарных сказок и мифов» [6, 6].

В эпосе «Короглы» внутритекстовые формулы используются, можно сказать, в форме, встречающейся в сказочном повествовании. Академик Н. Джафаров в монографии «От эпоса к книге» сказочно-эпические формулы рассматривает как основную форму выражения эпоса «Короглы» [7, 164]. К этому наблюдению можем добавить также и то, что это качество наиболее заметно во внутритекстовых формулах произведения. То, что приведенные автором примеры состоят преимущественно из внутренне-переходных формул и более наглядное ощущение синтеза сказочно-эпического повествования в эти образцах также подтверждают нашу мысль. Например, ашуг-сказитель, изображая Эйваза, использует способ народного повествования: «Но каков Эйваз, на арабском скакуне, с мечом мисри на поясе, с заговором на тысячу душ, так скачет, так скачет, словно стрелы вылетевшая из лука» [7, 132]. Сказитель для демонстрации доблести Эйваза мог бы пространно его расхваливать, однако народной манерой выражения, явно отражающей в сказке медиальную формулу, и оформил художественно свою мысль, и совершил переход к другому событию эпоса.

Классификацию внутритекстовых формул в эпосе «Короглы» также, как в эпосе «Отец Коркут», можно провести в следующей форме:

1. *Используемая с целью уменьшения скорости движения в устной речи внутритекстовая формула;*
2. *Выражающая временное содержание внутритекстовая формула;*
3. *Выражающая пространственное содержание внутритекстовая формула;*
4. *Показывающая быстрое взросление героя внутритекстовая формула;*
5. *Бытовая формула;*

6. *Напутственная формула;*

7. *Описывающая скорость движения формула;*

8. *Описывающая красоту внутритекстовая формула;*

9. *Переходная формула временного содержания;*

10. *Создающая переход от одного явления, процесса к другому явлению, процессу формула;*

11. *Указывающая состояние и положение формула.*

Существуют специфические особенности использования финальных формул в эпосах. Использование финальных формул в эпическом повествовании формируется соответственно жанру. Например, в сказках финальные формулы отличаются от финальных формул в эпосах. В частности, финальные формулы в историко-героических эпосах используются в соответствии с особенностями этих эпосов. В «Книге моего деда Коркута» соответственно повествованию этого эпоса в конце каждого сказания используются йумы-благопожелания. В подобных финальных формулах Отец Коркут, для придания завершения сказания, которого рассказывает, придя на пир, произносит благопожелания, дает благословение: «Пришел мой дед Коркут, заиграл радостную песнь, сказал слово, сказал что случилось с мужами, борцами за веру.... Я дам предсказание, хан мой» [3, 67]. Подобного типа финальные формулы вместе с тем носят благопожелающее содержание. Однако это содержание выражается не в идущей в начале формулы основной части, а в последующей её части.

Все эпосы завершаются финальной формулой. И в эпосе «Короглы» встречаются различные варианты финальных формул. В эпосе «Короглы» финальная формула может быть и простым предложением. Последние предложения в сказаниях «Алы-киши», «Кероглы и Буйный Гасан» играют роль финальной формулы. В сказаниях «Эрзерумский поход Короглы», «Карский поход Короглы», «Приезд Гасана-паши в Ченлибель», «Дербентский поход Кероглы» встречаются начинающиеся со слов «наставник говорит», «говорят» настоящие финальные формулы. Даже завершаясь смертью героя эпоса в очень редких случаях, финальная формула оканчивается печальной концовкой. Финальная формула подобного типа в любовном эпосе «Асли и Керем» производит, в некотором роде, обратное впечатление финальной формулы. Если в сказках молодые пируют сорок дней, сорок ночей и соединяются, здесь сорок дней, сорок ночей держат поминки.

Финальные формулы в эпосах формируются в зависимости от характера каждого эпоса, самобытных формальных и содержательных признаков. Разнообразные формулы в любовных эпосах с финальными формулами в героических эпосах образовались соответственно повествовательным, сюжетным различиям в обоих видах эпосов. И из наших заметок можно удостовериться в том, что формульное творчество в азербайджанских историко-героических эпосах отображает и жанровую структуру, и идейно-содержательно значимые признаки устного эпоса и вызывает отдельный интерес этим важным свойством.

Литература

- 1 Тахмасиб М. Азербайджанские народные дастаны (средние века). – Баку: Наука, 1972. – 400 с. (на азерб. языке)
- 2 Баят Ф. Тюркские дастаны в этнико-культурном контексте (своеобразие и этапы классификации) // Исследование по азербайджанскому устному народному творчеству. XXVI книга. – Баку: Нурлан, 2007. – С. 3-37. (на азерб. языке)
- 3 Книга моего деда Коркута / Составление, транскрипция, упрощенный вариант и предисловие Ф. Зейналов и С. Ализаде. – Баку: Язычи, 1988. – 265 с. (на азерб. языке)
- 4 Гаджилы А. Философия мифопоэтического мышления. – Баку: Мутарджим, 2002. – 164 с. (на азерб. языке)
- 5 Азербайджанские дастаны: в 5-ти томах. – Т. 4. – Баку: Чыраг, 2005. – 544 с. (на азерб. языке)
- 6 Миробил П. Стилистическое сравнение: европейско-тюркские мотивы и формулы // Деде Коркут. – 2007. – № 2. – С. 3-20. (на азерб. языке)
- 7 Джафаров Н. От эпоса к книге. – Баку: Маариф, 1999. – 220 с. (на азерб. языке)

References

- 1 Tahmasib M. Azerbajdzhanskie narodnye dastany (srednie veka). – Baku: Nauka, 1972. – 400 s. (na azerb. yazyke)
- 2 Bayat F. Tyurkskie dastany v ehtniko-kul'turnom kontekste (svoe-ob-razie i ehtapy klassifikacii) // Issledovanie po azerbajd-zhan-skomu ustnomu narodnomu tvorchestvu. XXVI kniga. – Baku: Nurlan, 2007. – S. 3-37. (na azerb. yazyke)

- 3 Kniga moego deda Korkuta / Sostavlenie, transkripciya, uprošhenʹnyj variant i predislovie F. Zejnalov i S. Alizade. – Baku: YAzychi, 1988. – 265 s. (na azerb. yazyke)
- 4 Gadzhily A. Filosofiya mifopoehticheskogo myshleniya. – Baku: Mutardzhim, 2002. – 164 s. (na azerb. yazyke)
- 5 Azerbajdzhanske dastany: v 5-ti tomah. – T. 4. – Baku: CHyrag, 2005. – 544 s. (na azerb. yazyke)
- 6 Mirobil P. Stilisticheskoe sravnenie: evropejsko-tyurkskie motivy i formuly // Dede Korkut. – 2007. – № 2. – S. 3-20. (na azerb. yazyke)
- 7 Dzhafarov N. Ot ehposa k knige. – Baku: Maarif, 1999. – 220 s. (na azerb. yazyke)